

МАНДАРИНЫ

Александр Николаевич Атвиновский родился в 1961 году в посёлке Токур Амурской области. Окончил Свердловский архитектурный институт. С 1988 года живёт и работает в Оренбурге. Член Союза архитекторов России, автор многих архитектурных проектов, а также автор двух сборников прозы и книги для детей. Печатался в газетах «Оренбургская неделя», «Истоки» (Уфа), журнале «Гостинный Дворъ» и др. Победитель конкурса «Десять лучших стихотворений месяца» (Уфа), поэтического конкурса «Стихоборье» (2019), лауреат международной литературной премии «ДИАС» (Казань, 2020), финалист (шорт-лист) литературного конкурса короткого детского произведения (Москва, издательство «Настя и Никита», 2019). Живёт в Оренбурге.

«Ну и погодка сегодня! Прямо-таки буран, а прогноз — без осадков!» — Николай Иванович в очередной раз смахнул рукой снежные крупинки, налипшие на лицо подобно папье-маше, поднял воротник пальто, затем повыше шарф, спрятал в нём подбородок.

...В начальном когда-то классе на уроке труда, стоило учителю отвернуться к доске или выйти на минутку за дверь, дети сразу же начинали бегать, веселиться, наклеивая друг на друга кому на лоб, кому на нос цветные бумажки, а задание, между тем, было — выполнить из папье-маше мамам подарки к Восьмому марта, и у Коленьки тогда лучше всех получилась ваза для цветов...

Школу свою он вспомнил ещё и потому, что шёл встречать после уроков внучку — второклашку Машеньку. От дачи, где Николай Иванович жил уединённо после развода с женой, до школы полтора часа пешком, и в последнее время он не раз проделывал этот путь, когда не было денег даже

на проезд в автобусе. Он шёл быстро, слегка ссутулившись, поочередно для согрева взмахивая руками, как лыжник. И морозец, должно быть, от обиды, что не получается проникнуть к его телу через рукава и снизу, покусывал ему нос и уши — предусмотрительный Николай Иванович отрезал от поношенной зимней куртки и вшил в демисезонное пальто пояс и манжетки с резинками.

А скоро Новый год. На площади перед Домом Советов открыли ледовый городок: вокруг огромной искусственной ёлки скульптуры Деда Мороза и Снегурочки, арки, горки, крепостные стены, подсвеченные залитыми в лёд разноцветными лампочками, — вечерами всё это искрилось, создавая ощущение нескончаемого праздника. Везде по городу украсили витрины — кто чем, а больше серебристыми снежинками из фольги, маленькими ёлочками с игрушками и мишурой, на деревьях и столбах вдоль улиц, а также на значимых зданиях, в основном классической архитектуры, развесили многоцветные гирлянды. Николай Иванович, проходя мимо и разглядывая это восхитительное убранство через витражи магазинчиков и супермаркетов, вспомнил, как в детстве, проснувшись после новогодней ночи, бежал в гостиную и находил под ёлочкой подарок Деда Мороза, а в нём конфеты, яблоко, шоколадка и обязательно мандарины — красно-рыжие ароматные шарики с кисло-сладкими дольками внутри...

Теперь ему пятьдесят девять, через год он мог уйти на заслуженный отдых, да только надевшая шуму реформа о повышении возраста выхода на пенсию перечеркнула надежды Николая Ивановича пусть на небольшой, но какой-никакой стабильный доход, добавив ещё три года мучительных ожиданий. А было время, когда он ни в чём не нуждался и, можно сказать, не знал счёта деньгам. Николай Иванович работал много лет ведущим конструктором в НИИ при оборонном заводе, имел правительственные награды, высокую зарплату и уважение товарищей. Чуть больше года назад он с недоумением слушал, как начальник конструкторского бюро (КБ) в своём кабинете читал ему стихотворение Фёдора Тютчева:

*Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать...*

— К чему ты это, Яков Захарыч, продекламировал? — передёрнув плечами, чувствуя ползущих по спине мурашек, поинтересовался Николай Иванович.

— Эх, Коля, к тому, друг мой, что руководство решило тебя на отдых, так сказать, проводить... — огорошил Захарыч, помрачнев и отводя глаза, даже не огорошил, а как бы обухом по голове ударил, не сразу нашлось, чем ответить.

— Не сынок ли директорский тот «пришелец новый»? Я щас в самой поре, мыслей свежих полно

и задор, как у молодого! — голос задрожал у ведущего конструктора, с сегодняшнего дня, видимо, бывшего.

— Ну, старческого задора, как дальше поэт сказал, в тебе ещё много, кто же спорит, но пойми...

— Да мне всего два года по закону до пенсии, зачем вы не по-людски так?! — почти крикнул Николай Иванович.

— Коля, ты не понимаешь, что всё уже решено, уходи с почестями и без скандала! Вот ты главного мне не даёшь сказать: тебя же не как собаку вышвыривают, а «золотой парашют» приготовили! — начальник бюро крупно написал на листке бумаги какие-то цифры, подвинул к нему.

— Глянь-ка...

— Засунь, Яша, себе этот парашют знаешь куда?

— Да не торопись, не груби, на цифры внимательно посмотри, сумма-то немалая! И давай в секретную часть топай, там Васья-фээсбэшник тебя ждёт, потом езжай домой, надень костюм поприличней и к концу рабочего дня подтягивайся на завод, торжественно тебя провожать будем в конференц-зале...

«Золотой парашют» Николай Иванович, следуя совету премьер-министра «всё перевести на цифру», как умел, оцифровал: разделил и вправду немалую сумму на количество месяцев, оставшихся до пенсии, учёл коммунальные и другие платежи, неожиданно в результате помесечно получилось полтора его оклада

в КБ, что малость утешило безработного конструктора. Но его тридцатилетний сын Ваня, подающий надежды экономист, проживающий на съёмной квартире с женой и дочкой, тоже оцифровал папин «золотой парашют». По сделанным расчётам денег хватало на двухкомнатную квартиру улучшенной планировки в новом доме, Николай Иванович, любя сына, внучку и немного невестку, уверенный, что найдёт хорошую работу, отдал для обретения молодой семьёй своего гнёздышка всё до копейки; если перефразировать знаменитую песню из кинофильма «Путь к причалу», то любящий отец «всегда уступить готов место в шляпке и круг», а что там говорить о каком-то «золотом парашюте». Да только с трудоустройством у одного из лучших инженеров оборонки как-то не задалось, его ум, талант, изобретательность оказались не востребованы рыночной экономикой. Не отчаиваясь, он продолжал поиски работы, всё больше обрастая долгами. Прошло полгода, Николай Иванович по-прежнему безработный, идти на биржу труда ему было стыдно, да и сомневался он в положительном результате, попытки устроиться сторожем или дворником тоже не имели успеха. Деньги в долг уже не давали, даже не отвечали на его телефонные звонки, приятельские и дружеские отношения сошли на нет. Яков Захарович, обещавший его привлекать на платные консультации для молодых специалистов

КБ, — не привлекал, «грязные доллары», которые, со слов фэ-эсбэшника Васьки, конструктору могли предложить за военные секреты заокеанские разведчики, — не предлагали: жадные, видать, на деньги. А с другой стороны, у российской оборонки столько ноу-хау, что у шпионов глаза разбегаются, как в супермаркете, всё купить хочется, а нельзя, иначе бюджет разорить можно, не командировочными своими же рассчитывать. Но если бы вдруг случилось Николаю Ивановичу такое предложение, он, конечно бы, Ваську информировал, не зря же давал подписку о неразглашении гостайны и сообщать об иностранном интересе к нему. Близких — старенькую мать и сына — Николай Иванович в эти проблемы не посвящал, не хотел травмировать внезапным своим нищесбродством. Но, бывая у них в гостях, от обеда у матери и ужина у сына он не отказывался, не обращая внимания на замечание невестки, что громко чавкает. Хорошо, что отец, который всегда гордился сыном, не видит его бедственного положения, умер три года назад. Надеяться на помощь Господа Бога, единственное, что ему оставалось, он не мог, будучи закоренелым атеистом. И вот, сидя вечером на скамейке в дачном саду, наблюдая за звёздами, Николай Иванович размышлял о совершенстве природы. Как сложно и, тем не менее, гармонично устроен Мир, возможно, без участия Высшего Разума не обошлось, и, если с завтрашнего

дня в его жизни наступят перемены к лучшему, он в какой-то степени поверит в Бога, редко подтверждающего своё существование, но в данном случае, видимо, решившего помочь безработному конструктору...

— Здравστε! Мне вас рекомендовали как талантливого инженера — Леонардо да Винчи наших дней, хочу вам предложить интересную, хорошо оплачиваемую работу, звоню договориться о встрече, если вы не против!

Несмотря на вежливость, голос в трубке показался Николаю Ивановичу несколько нахальным.

— С кем имею честь? — поинтересовался он с раздражением.

— Вован... э... извините, Владимир Петрович Князев вас беспокоит, бизнэс... э... мэн! — представился нахальный голос.

...«Леонардо да Винчи» пил фирменный кофе «У Князя на пиру» в ресторане Вована Петровича и внимательно слушал его владельца и рассматривал. Дорого, но безвкусно одетый, тучный, глаза навъкате, машинально добавляющий в речь жаргонные словечки, типичный «новый русский» восторженно излагал суть своего фантастического замысла.

— За тебя, Иваныч, слышал много хорошего, ну и скажу по чесноку, в натуре, ты мне глянулся, костюмчик одел на встречу, гаврилу (галстук — А.А.) прицепил... ничо, что на ты? Мне проще так с тобой общаться. В общем, решил «умный дом» себе сварганить, слышал про «Наутилус» капитана Немо?

— Ещё бы, зачитывался в детстве Жюлем Верном, дух захватывало! Владимир, расскажи, что за «умности» надо придумать? — улыбаясь, уточнил Иваныч, показывая тем самым, мол, любая инженерная работа ему по плечу. — Хорошо, что не гиперболоид, как у Алексея Толстого, заказываешь!

— А чо, Толстый тоже к тебе обращался? Токо его не Лёхой зовут, гиперболид — это чо за хрень? Давай я щас тебе свои мысли насчёт дома обрисую: первый этаж готовый, про начинку после, второго нет ещё, вот на нём надо сделать кабинет и спальню, чтоб чуток, незаметно почти, вращались по кругу, и через пару часиков вид из окон менялся. Дом на холме в красивенном месте строю, хочу хотя бы за пару дней до Нового года заселиться...

Началась последняя неделя декабря, «Наутилус» для «Капитана Немо» (Николай Иванович только так называл Вована за глаза) достроили, подключили к инженерным сетям, завезли мебель, выставили охрану, которой хозяин дал указание, «чтоб ни одна любопытная мышь не проскочила, пропускать только конструктора». Если возникнут какие-то сложности с посетителями, звонить ему «на мобилу», не допускать повторения истории, когда специалист газовой службы пытался проникнуть в дом, чтобы поставить пломбу на счётчик, а бдительный начальник охраны его не пропустил, проявив инициативу, самостоятельно открыл

счётчик в котельной и вынес его контролёру для опломбировки прямо к калитке.

С завершением строительства чудодома Николай Иванович связывал большие надежды на улучшение своей предпенсионной жизни: Вован окончательно должен рассчитаться. К сожалению, полученным авансом инженер погасил накопившиеся долги, оставшуюся половину он мысленно оцифровал, распланировал месячное содержание до самой пенсии, очень надеялся на рекламу своего детища «новорусским» Немо, с нетерпением ждал подобных заказов от его друзей. Но буквально вчера Вован, вдоволь накатавшись, как ребёнок на детской карусели, на вращающемся втором этаже своего особняка, не сдерживая эмоций восхищения, «порадовал» конструктора «умно-го дома»:

— Иваныч, ты офигенный талантлице! Представляю, какое крутое оружие ты придумывал на заводе, и понимаю наших паханов, когда на международном сходняке они пальцы веером делают, а америкашки очкуют: понятное дело, если что, мы так врежем по голливудским улыбкам! За базар отвечаю! Чуйка мне говорит, что ты и дальше хотел бы пастись на блатной траве, но огорчу, корешам тебя рекламировать не буду, а то вдруг им чо-то лучше придумаешь, и про мой «Наутилус» помалкивай, метлу (язык — А.А.) придерживай. Слышал историю про зодчих Ивана Грозного, какие храм Василия Блаженного

сотворили? Когда он их спросил, сможете, мол, красивше чо-нибудь забавать, а они ему: «Токо прикажи, государь!» Он и приказал глаза им выколоть! — «Капитан Немо» дико заржал, охрана поддержала, смеялись до слёз.

...До школы, где училась Машенька, оставалось минут пять быстрым шагом, а до звонка с урока полчаса — Николай Иванович посмотрел время на мобильном телефоне и решил зайти в супермаркет «Щедрость» погреться и купить что-нибудь сладенькое внучке, выгреб мелочь из кармана, насчитал десять рублей — всё его богатство на сегодня. Сумма оказалась ничтожной, что бы он ни выбрал в магазине, денег катастрофически не хватало, взвесил самый маленький ярко-красный мандарин — двенадцать рублей. В отчаянии он спросил у продавца:

— Что у вас можно купить на десять рублей?

— Соль, спички, два пакета, — девушка мило улыбнулась.

— Неслыханная щедрость! — возмутился он, потом, взяв себя в руки, пошёл к выходу из магазина.

Через пару минут Николай Иванович вернулся в супермаркет: ну не мог он огорчить внучку, встретить её с пустыми руками, она всегда так радуется конфеткам, булочке с повидлом или яблочку. К зиме дедушка подарил ей тёплые варежки из козьего пуха, но главное — это не гостинцы и подарки, важнее то, что они друзья. Машенька может

доверить дедушке любую тайну, даже страшную, спросить его о чём угодно и обязательно получит понятный ответ. Представляя грустные глаза внучки, он решительно подошёл к марокканским мандаринам, лежащим в невысоких ящичках, встал спиной к потолочным видеокамерам, расстегнул верхнюю пуговицу пальто и быстро опустил в рукав, друг за другом, три мандарина, почувствовал, как они скатились от плеча к манжетке с резинкой.

Дорогой читатель, Вы зря плохо подумали о Машинном дедушке, это была не кража! Николай Иванович взял эти заморские фрукты в долг, он решил, что как только Вован с ним рассчитается, сразу же купит пять мандаринов, да-да, пять, а не три, и вернёт их на место. Только вот этот нувориш — «Капитан Немо» — всё тянет с оплатой, хотя уже и заселился в свой «Наутилус». Понимая, что дело сделано, повернувшись лицом к видеонаблюдению, Николай Иванович для маскировки стал набирать мандарины во взятый со стеллажа целлофановый пакетик, потом, якобы передумав, высыпал красно-рыжие шарики обратно в ящик и пошёл на выход из супермаркета, но внезапно дорогу ему преградил охранник магазина.

— Мужчина, отойдёмте в сторону, не будем мешать покупателям! — почему-то злобно прошипел «витязь» (так было написано на его чёрном камуфляже) и, взяв под руку, потащил за собой.

— А в чём, собственно, дело? —

поинтересовался задержанный и хотел было отдернуть руку, да побоявшись, что выпадут мандарины из-под манжетной резинки, успокоился и покорно последовал за охранником.

— Содержимое карманов на стол и пальто расстегните! — командовал «витязь», подведя Николая Ивановича к своему рабочему месту с большим монитором, экран которого был поделён изображениями с видеокамер на квадратики.

В карманах у задержанного ничего интересного не оказалось: перчатки, мобильный телефон да десять рублей мелочью; а вот под пальто охранник обнаружил забавную штуковину.

— Не жалко было куртку портить? Знаешь, сколько шоколадок можно спрятать в такой поясок с резиночкой? — «витязь» в чёрном перешёл на ты. — Не тушуйся ты так! Вижу, не вор ты, а из этих... поразвелось их щас, транс... цвет... тьфу, не выговоришь, ну, какие к поясам чулочки цепляют, в баб наряжаются. Чулки, скажу тебе, для краж вещь удобная, бабуля на днях в чулок пачку масла сливочного пристроила, обратила на себя наше внимание тем, что не по сезону была одета, вот и поймали мы её, а ей плохо с сердцем стало, неотложку вызывали! Ну, а ты не вор... интеллигент, — посмотрев на небритое лицо Николая Ивановича, добавил, — бывший... Ладно, дорогой товарищ, шутканул я, забирай своё добро и ступай с Богом! — охранник по-дружески хлопнул его по плечу...

На школьном дворе было многолюдно: папы, мамы, бабушки и дедушки учеников младших классов томились ожиданием конца уроков, когда детвора с радостными криками горохом рассыплется из открытых охранником дверей. Огромное крыльцо и площадка перед ним, укрытые длинным навесом, не вмещают всех встречающих, поэтому остальные стоят, переминаясь с ноги на ногу, под открытым небом, обильно осыпаемые снегом, который периодически смахивают с себя.

«Н-да, что тут поделаешь, наступило такое время, когда ребёнок, идущий в школу или после занятий домой, без сопровождения взрослых может угодить в любую беду: попасть под машину даже на пешеходном переходе, если за рулём пьяный водитель; стать жертвой хулиганов — лишиться сотового телефона и денег на обед; наконец, какой-нибудь педофил обманом заманит его в своё логово и надругается над ним. Потому и переживают все за деток своих! — Николай Иванович окинул взглядом собравшихся у школы людей. — Раньше мало кто слово такое знал — «педофил», а с переходом на эти рыночные отношения от культа денег, потребительских страстей одним совсем башку снесло, духовно обнищали, другие за черту бедности угодили. Взамен коммунистической морали с её идеалами и верой в светлое будущее получили вседозволенность олигархов, разных богачей, попирающих закон,

невероятную преступность и все пороки буржуазного общества». Вот и он теперь вор, правильное — мелкий, гнусный ворюшка, и нет его поступку оправдания! Коря себя за кражу, он достал из рукава мандарины, переложил их в карман пальто и вновь погрузился в свои невесёлые раздумья.

— Деда, ты с дуба рухнул? Чиво грустный такой?! — Маша с разбега обняла Николая Ивановича, чуть не сбив его с ног.

— Я две пятёрки сегодня получила: по математике и по английскому! Подержи-ка, я щас! — внучка передала ему портфель и прыгнула спиной в сугроб, только что собранный дворником при очистке школьной дорожки.

— Деда, помоги, я не могу выбраться! — глубоко провалившись в снег, она протянула руки Николаю Ивановичу.

— Вот что ты творишь? — выдернув Машу из сугроба, спросил он. — Снег в сапожки не набрала?

— Не-а! — лицо внучки светилось от радости.

— Ну, хватит баловаться! Нам надо торопиться, вот-вот мама твоя с работы домой прибежит на полчаса — тебя покормить, а нам пешком идти. Конечно, я и сам мог обед тебе разогреть, но не доверяет она мне.

— У-ра! Мне нравится пешком! А ты мне чего-нибудь вкусненькое купил? Только мама сказала: «Никаких конфет, дед сладостями все зубы тебе испортит!» — Маша, закинув голову, заулыбалась и, прищурившись,

посмотрела снизу вверх дедушке в глаза.

«Зубы испортит, надо же сказать такое... это у меня зубы испорчены, но не сладостями, а временем. Зубы-то ладно, а кражей, пусть она и не смертельный грех, душу всё же свою замарал... что за мысли? Я же атеист, но, как бы там ни было, совесть мучает, только получу деньги, сразу же всё исправлю!» — успокоил себя Николай Иванович.

— Три мандаринчика тебе принес, смотри, какие красивые!

— Деда, очисти один, а то у меня руки замёрзли.

— Машенька, а где твои варежки?

— В карманах, они такие красивые, спасибо, дедуль, за подарок, белые только, пачкаются быстро. Мама вчера их постирала, берегу варежки. А мандарины без косточек?

— Без косточек, без косточек, сейчас, подожди минутку... вот держи! — он выбросил в снег кожуру и на ладони протянул внучке распавшийся на розовые дольки мандарин.

— Спасибо, дедуль, очень вкусно! Пойдем быстрее, по дороге второй очистишь, а третьим я маму угощу! Я знаю, о чём тебя спросить хочу?.. У Бога есть родители?

— У Бога нет родителей! — он с удивлением посмотрел на внучку. — А с чего это вдруг тебя заинтересовало?

— У нас был урок православия. А дедушка с бабушкой есть у Бога?

— Нет ни дедушки, ни бабушки.

— Выходит, он сирота?

— Выходит, что так! Но ты, Машенька, не грусти, почти все люди с возрастом, превращаясь в бабушек и дедушек, всё больше думают о Боге, скучать ему не дают: кто молится, кто раскаивается за содеянное, кто о помощи просит, а кто и за безверие своё извиняется! — Николай Иванович свободной рукой (в другой он нёс её ранец) приобнял внучку.

— Тогда ему хорошо! Дедушка, а помнишь, когда прошлый раз ты меня провожал из школы домой, мы про любовь говорили, ты сказал, что вы с бабушкой давно её потеряли! А вы можете её опять найти? — Маша остановилась и пристально посмотрела на деда.

— Нет... Мы потеряли любовь навсегда! — дрогнувшим голосом ответил Николай Иванович.

— Деда, знаешь, чего я больше всего на свете боюсь?

— Смерти?

— Нет, не смерти, ну... её я тоже боюсь, но больше всего, что папа с мамой любовь потеряют! У меня есть подруги, которые только с мамами живут, знаешь, как им тяжело? Они живут бедно. Одна девочка даже в голодный обморок упала на физре...

— Обстукивай ножки, моя хорошая, пришли мы! У тебя ключи в ранце?..

— Николай Иванович, Вы с Машей на черепахе ехали? У меня на всё про всё десять минут осталось! Машка, быстро мой руки и бегом за стол! — раздражённо скомандовала невестка.

— Деда, ты тоже снимай пальто, мой руки, вместе будем обедать!

— Не приставай к деду, видишь, он торопится, у него много дел!

— Да, я собственно, не торо... — мама Маши, не дав Николаю Ивановичу договорить, сунула ему пакет с мусором: — Вот, выбросите во дворе в контейнер, я не успеваю, вот вам пятьдесят рублей, купите себе булочку и сок в кулинарии. Спасибо и до свидания!

— Деда, я попрошу папу, чтобы ты меня и завтра встретил! — крикнула из-за стола Машенька вслед уходящему Николаю Ивановичу...

Вы, дорогой читатель, правильно догадались, что, разбогатев на пятьдесят рублей, грешник направился искупать свою вину в обворованный им супермаркет «Щедрость». Снег, похожий на гусиный пух из рваной подушки, обильно засыпал всё вокруг, добавляя белил в городской пейзаж, поскрипывал под ногами Николая Ивановича, который, идя быстрым шагом, уже приближался к месту недавнего своего преступления и морального падения. В магазине он взвесил четыре мандарина, рассчитался на кассе, вернулся в торговый зал и высыпал из пакетика эти заморские фрукты обратно в ящик.

— Старый знакомый! Опять к мандаринам тебя потянуло? — охранник положил руку на плечо Николая Ивановича, который от

неожиданности вздрогнул и обернулся.

— Хотел взять с полкило, да передумал, цена! — и он улыbnулся богатырю в чёрном камуфляже.

— Ты прав, цена кусачая! — согласился охранник, ответно улыбаясь, взял самый крупный мандарин, сняв с него красно-рыжую кожуру, протянул Николаю Ивановичу. — Угощайся! Не тушуйся ты так! За день пять-шесть кило воруют этих рыжих красавцев, за каждым покупателем не уследишь. Они, блин, считают, мол, Князь не обеднеет, и полностью правы, недостачу весь коллектив магазина покрывает, сам понимаешь, и я в их числе. А когда в городе зарплату задерживают на пару месяцев, люди воруют в супермаркетах, я бы сказал, с куражом даже, а с охраны штраф за недосмотр... копейки домой приношу.

— Печально, что так! — краснея лицом, посочувствовал Николай Иванович. — Не понял только про князя, он кто такой?

— Ты из леса будто вышел, двадцать лет там блукал и о жизни нашей грешной ни хрена не слышал!

— Буль-буль! — вмешался в разговор мобильный телефон из нагрудного кармана «витязя».

Так оно и есть, прав охранник: о жизни города и страны он знал мало, полностью был поглощён работой, ежедневно до позднего вечера проектировал в своём КБ, приходя домой, ужинал и ложился спать, жене и сыну доставались

крохи внимания только по выходным и то не всегда. Вот жена и подала на развод, судье сказала, что муж, в принципе, хороший человек, но все его достоинства с частицей «не»: не пьёт, не бьёт, не курит, не гуляет и дома не бывает... а ей нужен нормальный муж, мужик, а сыну нормальный отец, и на эту роль у неё уже есть кандидатура. Развод оформили, имущество поделили: жене и сыну квартиру, ему дачу...

— О чём задумался, товарищ? — чтобы продолжить разговор, окликнул Николая Ивановича охранник, кладя мобильный телефон обратно в нагрудный карман. — Про Князя ты спрашивал, понятное дело, это кликуха известного в девяностые бандюгана, а щас все к нему с уважухой, рыло отъел, бизнесмен хренов, в депутаты Гордумы выбрался. Теперь он не какой-то Вован, а Князев Владимир Петрович — владелец всех этих супермагов «Щедрость» да кабаков «У Князя на *перел*!» — он заулыбался, умышленно исказив название сети ресторанов и кафе.

— Князев Владимир Петрович — владелец этого супермаркета? — со всей отчётливостью в сознании Николая Ивановича всплыл образ Вована-«Капитана Немо». — Ну и дела!

— Ба-а! Вот те раз! Да ты, смотрю, с ним знаком! А я-то, дурак... слушай, дорогой товарищ, вот тебе ещё мандарин, скажешь ему при встрече, мол, охранник Боря о нём очень хорошо и уважительно отзывался...

Снег прекратился, тучи ушли за горизонт, и бледно-жёлтое солнце, опускаясь за крышу высотного дома, ослепило напоследок Николая Ивановича, вышедшего на улицу из вовановского супермаркета. Щурясь и прикрываясь рукой, он быстро миновал автостоянку и направился в ближайшее кафе «Теремок», где на остатки мелочи купил блинчик с творогом и стакан компота. Душа его пела, радуясь хорошей погоде за окном, а главное, избавлению от чувства вины за кражу в магазине. Звонок мобильного телефона, копирующий мелодию песни «Священная война», вывел Николая Ивановича из состояния восторженности. Держа в руке вибрирующую трубку и прочитав на её экране «номер неизвестен», он решал, отвечать звонившему или нет; подумав несколько секунд, нажал зелёную кнопку.

— Алё, алё... Вы меня слышите, Николай Иванович? Вас беспокоит директор Санкт-Петербургского ЦеКаБэ эМТэ «Акварин» (ЦКБ МТ — Центральное Конструкторское Бюро Морской Техники — А.А.) Захаров Лев Иосифович. Предлагаю возглавить отдел по адаптации вашего удивительного изобретения ВэЭН-КаэР двадцать один на новейших атомоходах «Наутилус» серии два-ноль-двадцать, жду вас в понедельник к девяти нуль-нуль, пропуск выписан, деньги на билет и командировочные расходы уже на вашей карте.

— Приветствую Вас, Лев Иосифович! Помню наше знакомство в

Кремле на вручении наград, спасибо за приглашение, ждите, в понедельник буду. До свидания!..

Еле справляясь с волнением, конструктор дрожащими руками открыл мобильное приложение сбербанка в сотовом телефоне и ещё больше взволновался, увидев на счёте полмиллиона рублей, видимо, КБ перечислило ему не только командировочные, но и аванс за предстоящую работу; он улыбнулся, вспомнив название подводной лодки: «Наутилус» нынче в тренде и приносит ему удачу... Он поудобнее устроился в мягком кресле и сложил руки на животе.

«Мать подобные блинчики делает намного вкуснее: корочка золотистая и хрустящая, а творог без комков». Ещё он вспомнил, как бережно она хранит его детские рисунки, поделки. Ваза из папье-маше — подарок на праздник Восьмое марта — стоит на комодке уже более пятидесяти лет. Вся его жизнь наполнена материнской заботой, поддержкой и любовью, что всегда помогает ему преодолевать разные невзгоды и трудности. Внезапно он услышал протяжный гудок и на огромном витраже кафе, как на экране в кино, увидел большой белый парход. На капитанском мостике молодой отец в белом парадном кителе и форменной фуражке с золотой кокардой курит трубку и машет рукой матери, тоже молодой, в лёгком ситцевом платье, готовой подняться на корабль, но матросы замешкались с трапом, любуясь её красотой.

— Отец, не торопись, не забирай маму, пусть она побудет ещё со мной!

— Сынок, это неизбежно, я её всё равно заберу, но сейчас самый подходящий момент, когда она может помешать тебе переехать в Питер, с тобой мать не поедет, однозначно, и ты её одну не бросишь, я-то знаю, выходит крах твоей возможной карьере и обеспеченной старости.

— Я ещё не решил ехать на новую работу так далеко, напомним, если ты забыл, у меня ещё Машенька и сын есть!

— Ты, работая в Питере, им больше пользы принесёшь! Так что прости, сынок, мама будет со мной, сильно по ней соскучился!..

— Мужчина, извините, посуду можно убирать? — Николай Иванович услышал сквозь сон приятный женский голос.

— Да... да, убирайте, — ответил он, просыпаясь. — Нехороший сон, как бы беды не случилось! — с тревожными мыслями Николай Иванович решительно встал из-за стола, подбежал к гардеробу, поменял металлический жетон на пальто, накинув его на ходу, быстро выскочил на улицу и поймал такси.

— Едем быстрее, на Будённого восемьдесят, жми на всю... можем опоздать, плачу два счётчика!..

Ключ проворачивался в замке калитки, пришлось лезть через забор; зацепившись за гвоздь, Николай Иванович порвал брюки и оцарапал ногу. Входная дверь, к счастью, была не заперта, мать в фартуке вышла из кухни ему навстречу.

— Что случилось, сынок? Ты чего такой взбудораженный? А япельмешкистряпаю, твоилюбимые, с куриным фаршем.

— Ничего, всё уже хорошо! — плача, он обнял её, и в этот момент задрожал мобильный в кармане пальто... — Мам, Захарыч, всегда не вовремя!

— Ответь ему, а я покапельмешки в кипяток загружу.

— Коля, привет! Наверное, все известные курорты мира объездил! Шучу! Звоню по делу, ты, думаю, в курсе, что меня директором назначили, а тебя решили начальником КБ, я поддержал, жду завтра к девяти ноль-ноль ко мне на планёрку.

— А «золотой парашют»? Я деньги вернуть не смогу, потратил всё до копейки! Слышишь, Захарыч?

— Слышу!.. Молодец! Не переживай, если что, мы новый тебе «золотой парашют» организуем! Шучу! В общем, жду завтра к девяти, не опаздывай! — новопечённый директор положил трубку.

— Ну и денёк сегодня! — сказал нарочито громко Николай Иванович, чтобы его услышала мать на кухне. Ему не терпелось поделиться хорошими новостями; сняв пальто, он плюхнулся на диванчик в прихожей.

— Сынок, день-то закончился, ночь на пороге, особенная, рождественская, если по старому стилю! В эту ночь самые невероятные чудеса случаются, Бог многим помогает, в первую очередь тем, кто сердцем и помыслами чист...